

Мануэлла

От ненависти до любви

УДК 82-3
ББК 84-4
М24

Мануэлла

М24 От ненависти до любви / Мануэлла. – М.: Литнет, 2026. – 104 с.

ISBN 978-5-521-99400-7

Дария Уэнсфилд уже и не помнила, с чего все началось. Когда-то она спасла из цепких рук развратного маркиза Гетсборро девушку. Весь высший свет отвернулся от него, он стал парией, ведь Дария подтвердила, как видела, что маркиз пытался взять девушку силой.

Но у Итана, маркиза Гетсборро, иное мнение – живя отшельником в своем мрачном старинном замке, он долго вынашивал план мщения. Похитив Дарию, он требует от нее одного – того, чего она навсегда лишила его. Брака и законного ребенка. Затем Дария может быть свободна...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99400-7

© Литнет, 2026

© Мануэлла, 2026

Глава, в которой все не так...

– Итан, ну право, прекрати! У нас ведь было все так чудесно – глаза Люси начали наполняться слезами. Раньше Итан обязательно бы в них поверил. Раньше, когда он своими глазами ещё не видел Люси в постели с Фредериком Авинье, главным повесой Лондона. Раньше, пока он не несся вскачь на мерине, не разбирая дороги, под проливным дождём и хлещущим в лицо ветром, к своему особняку, кляня на все лады свою бывшую нареченную.

Сейчас все эмоции утихли, только разочарование владело всей его натурой – неужели нет достойных женщин, любящих, верных, искренних. Таких, что не бросят свое дитя, как сделала его мать, устав от прозябания в деревенской глуши с его отцом. Она сбежала в Италию с каким-то авантюристом, выдававшим себя за графа, когда Итону было семь. Пришедшая ей на смену юная мачеха была не лучше – за попытку отравить отца она была сослана в одно из самых глухих из имений. Добродушный отец даже назначил ей содержание, и пару раз даже намеревался ее простить, когда излишне отдавал должное Бахусу.

Итан ожидал, что придя на этот бал, он встретит Люси. После той ночи прошло три месяца, Люси приехала к нему на следующий день, умоляя не губить ее репутацию. Итан согласился не посвящать свет в историю их расставания, позволив ей самой разорвать помолвку. Но Люси продолжала упорно гнуть свою линию. Она даже имела наглость попытаться уверить его в своей любви и в том, что это была лишь трагическая ошибка. Но он больше ей не верил. Он, уже успевший и поговорить с Фредериком, который рассказал ему много интересного о похождениях его невесты, и даже встретиться с ним утром на дуэли, прострелив ему руку (Итан желал бы отстрелить ему то, что гарантировало продолжение рода Авинье, но проклятое воспитание и кодекс джентельмена как всегда невовремя дали о себе знать, и Авинье отделался лишь пулей ниже локтя).

И вот сейчас Люси не только умоляет его вернуть все как было, нет. Она настигла его в одной из оранжерейных беседок в отдаленной части сада. Девушка с придыханием говорила о своей любви, обхватив его руку своими. Ее коварные зелёные глаза смотрели на него с таким грустным выражением, словно бы она и вправду страдала. Но Итан твердо знал – если она и страдала, то лишь от потери титула и денег, которые ей принес бы брак с ним. И от того, что на рынке невест она была залежалым товаром без приданого.

– Чудесно? Чудесно было строить из себя жеманную девственницу передо мной, позволяя лишь невинный поцелуй в щеку, а в это время раздвигать ноги перед другими? – он, усмехнувшись, встал со скамейки, намереваясь обойти Люси и уйти.

Люси, зло сверкнув глазами, будто бы ей было неприятно унижение перед тем, которого она считала лишь источником будущего дохода, тут же переменила тактику – она рванула платье с полных красивых плеч, обнажив пышную грудь:

– Если бы я знала, что ты тоже хотел этого – я бы позволила тебе все, Итан.

Она набросилась на него, прижав руку к ширинке его брюк, быстрыми пальчиками расстегивая ее. Грудью она терлась о его рубашку. Но то, о чем раньше Итан мечтал, теперь казалось ему чем-то омерзительно грязным. Любая шлюха из Ист-Сайд была порядочнее Люси, ведь Люси спала со всеми из прихоти, а не от безвыходности или от голода.

Итан оттолкнул ее руки, уже принявшиеся расстегивать его рубашку:

– Прости, Люси, но твои подержанные прелести больше меня не привлекают.

Он отвернулся, услышав за спиной сдавленный выдох – видимо, самолюбие было слабой стороной Люси, и он, отказавшись от ее тела, нанёс ей непоправимое оскорбление. И он был прав – Люси с каким-то шипением в голосе заговорила:

– Хорошо же, раз ты меня бросаешь, то и сам никогда не женишься.

Итан в удивлении обернулся, и тут она всем своим весом бросилась на него. Оба упали на скамейку, но Итан, не ожидавший такого от той силой и спокойной девушки, которой Люси всегда казалась, удивился ещё больше, когда она стала кричать:

– Помогите, помогите! умоляю!

Она с силой рванула его рубашку – маленькие жемчужные пуговицы белыми каплями запрыгали по темной траве сада. Итан попытался было встать, но Люси нечеловеческим усилием притянула его обратно к себе.

В беседку ворвалась юная светловолосая девушка, ее прекрасные синие глаза были широко раскрыты от ужаса, она молча открывала и закрывала рот, словно рыба, выброшенная на берег. Наконец, придя в себя, она пронзительно закричала:

– На помощь, на помощь! Они здесь!!

Итан пытался было все объяснить, он взывал к девушке, но тщетно – та, словно маленький ребенок, в ужасе зажала уши руками, пятясь назад от него...

Глава, в которой Итан жалеет о том, что родился на свет

Люси, рыдая, приняла стакан хереса из рук графа Уэнсфилда, дяди и опекуна той юной девушки, что прибежала на ее крик. Другой рукой придерживая отданную Дарией шаль, прикрывающую разорванное на груди платье, Люси в очередной раз пересказывала историю о том, как она вышла в сад, прогуляться, устав от шума и музыки в зале. Итан увязался за ней следом, войдя в беседку, где она отдыхала, наслаждаясь тишиной. Он пытался заставить ее вновь принять его предложение руки и сердца, а когда она ответила, что это невозможно, то набросился на нее, ударив по лицу. На лице Люси и вправду красовался большой синяк – видимо, при падении она ударилась щекой о скамейку.

Люси мысленно поблагодарила провидение, что послало ей эту юную глупышку, Дарию Уэнсфилд. Вот и сейчас та, окружённая главными сплетницами света, герцогиней Ливингстон и двумя сморщенными, словно кожа их любимых мопсов, сестрами Мортинкотт, посылала Люси смущённые улыбки в поддержку, рассказывая то, чему стала невольной свидетельницей. А именно – как маркиз Гетсборро, весь в расхристанном виде, с расстегнутой... (Люси невольно усмехнулась, скрыв улыбку рукавом – эта дурочка даже не смела выговорить слово «ширинка») держал в руках женщину. Дария подошла ближе – под ним лежала в слезах вся растерзанная мисс Люси Шеффилд. Ее одежда... (Дария вновь залилась румянцем стыда) ... ее одежда была в ужасном беспорядке.

Итана держали в кабинете до приезда констебля и его отца, сэра Дэвида Гетсборро, за которым немедленно послал Уэнсфилд. Битый час отец умолял замять скандал, обещая, что его сын больше никогда не появится в свете. Итан, пребывая в шоке от сюрреалистичности происходящего, все же понимал, что вмешиваться ему не стоит –

правда, увы, на стороне подлой Люси. Эта чертова маленькая мисс, что обнаружила их в беседке, стала важнейшим свидетелем обвинения. Она даже не удосужилась узнать, что происходит. Она сразу вынесла ему приговор. Итан упрямо не слышал голоса справедливости, говорящего ему, что будь он на ее месте – тоже поверил бы в то, что леди подверглась насилию. Так убедительно сыграла Люси свою роль. Так красноречив был беспорядок в их одежде.

И все равно, волна жгучей ненависти поднималась в нем об одном лишь упоминании о Дарии Уэнсфилд, маленькой мерзавке, что разрушила его жизнь. Итан не чувствовал ненависти к Люси – нет, она уже и так унижена и сломлена. Этот скандал выйдет за пределы Уэнсфилд парка, и ни один мужчина никогда не предложит ей брак. Нет. Только то, чего она и заслуживала – стать любовницей. Правда, Итан понимал, что это вряд ли расстроит Люси – наоборот, она вздохнет от облегчения, что больше не нужно притворяться, что теперь она может в открытую называть свою цену в поисках покровителя.

Обратная же сторона этой горькой правды была в том, что теперь и он сам вряд ли найдет себе невесту. Даже самые бедные, самые неродовитые семьи не согласятся отдать свою дочь за безумного насильника и парию, которым он, несомненно, станет, если ему удастся избежать тюрьмы...

Отец, сгорбленный, будто нем всю тяжесть мира на своих плечах, сидел напротив Итана в их городском особняке:

– Что же, сын. Несмотря на то, что я уладил все с ..кхмм... пострадавшей стороной (отец сам не раз был свидетелем настойчивости Люси по отношению к Итану, и склонялся к мысли, что ее поведение могло бы быть фальшивым, как и вся ситуация в-целом), мнение света не изменить – он жестом остановил Итана, пытавшегося возразить – я на неделе навещал Уэнсфилда, прося о разговоре с его племянницей, я хотел лишь ещё раз расспросить девушку

об увиденном ею тем вечером, но он даже не принял меня. Слуга сказал, что хозяев нет дома. А когда я уходил, я увидел, что в окне на втором этаже, где, я предполагаю, находится комната воспитанницы Уэнсфилда, показалась любопытная женская головка. Она тотчас же поспешила закрыть занавеску, увидев, что я смотрю на нее, но это точно была она, Дария Уэнсфилд.

Итан понимал, о чем говорит отец – он и сам пытался в беседе объяснить все этой испуганной пигалице, но та и слушать не желала, глядя на него, будто бы он – чудовище. Когда он попытался подойти к ней, та отшатнулась, в ужасе зажав рот руками, чтобы не вскрикнуть от испуга. В ее больших глазах отражались лишь ненависть и презрение – свой приговор ему девушка уже давно вынесла. Виновен!

Пять лет спустя

– Чёрт! – Итан бросил в стену бокал, разлетевшийся на сотни крошечных осколков. Слуги, привыкшие к подобному поведению хозяина, даже не заглянули в комнату – узнать, что произошло. Такие сцены они, вернее, самые стойкие из них, ведь большинство убегало, забрав жалованье и выходное пособие – дань щедрости хозяина, понимавшего в минуты просветления, каково им служить неуравновешенному злобному чудовищу. Те же, что оставались, могли похвастать идеальными нервами.

Итан подошёл к окну, глядя сквозь пелену дождя на холмы, по которым так любил бегать в детстве. Как давно не было слышно детского смеха в Гетсборро-парк, как одиноко порой бывает и ему самому – раньше он смеялся над подобной сентиментальностью, а теперь, спустя годы, и сам понял, что в самой человеческой природе заложено стремление иметь семью, дом, детей... Он же, будучи изгнан из всех домов Лондона и его предместий, не позволит себе этого уже никогда. Само общение с ним налагало на того глупца, что совершит подобную ошибку, печать порока и чего-то преступного. А слава о его преступлении благодаря неутомным кумушкам с бала, разнеслась по всему королевству, обрастая невероятными подробностями. Поговаривали, что он набросился на целую группу девушек до этого, в саду у Вестминстерского аббатства, Колледж гардене. Несчастные юные леди пришли полюбоваться на причудливые растения из разных стран, как вдруг на них набросилось дикое чудовище в его, Итана, лице. И лишь криками его удалось спугнуть. Правда, имён тех леди так и не сообщили, но и этому нашлось вполне логичное объяснение – леди не захотели вписать своих имён даже в тень скандала.

Поговаривали, что предыдущую свою любовницу он убил... в постели, измучив несчастную своим ненасытным темпераментом,